

* * *

Хоть это было так давно,
Бурьяном лет не заросло:
Смотрела бабушка в окно,
И дождик шел, и время шло...
Был тихим светом освещен
Ее иконописный лик,
Как будто ею был взращен
Тот, кто поистине велик;
Как будто ею был прощен
И вор, и грешник, и скупец;
Как будто с ней живут еще
И мать, и сестры, и отец;
И сын не сгинул на войне,
И муж без вести не пропал,
И нет беды, как в долгом сне,
Где только чуткий не проспал...
Кто может знать, как мы живем?
Чужие судьбы — как кино.
В домишке стареньком своем
Смотрела бабушка в окно.

* * *

О, детство, ты — жизни опора,
Хоть жизнь, как учитель, строга...
Далекими были просторы
И росными были луга!

А чувства — не горсточка пепла.
Себя не растратила я.
Душа закалялась и крепла,
Когда предавали друзья.

Судьба не ответила лаской,
Но грусти нельзя потакать.
Еще мне рассказывать сказки
И тайные клады искать!

Плывет мой кораблик бумажный,
А я, провожая зарю,
По-детски светло и отважно
На мир этот темный смотрю.

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ ОРЛОВЩИНА

Бревенчатый домик. И кто бы туда ни пришел,
Всем бабушка, плача в подол, говорила о сыне.
Но было же, было и мне в доме том хорошо,
Где счастье глядело в окошко глазами косыми.

И серый колодец, и деда отчаянный взмах —
Все там же, на том же судьбой заколдованном месте.
Вздыхает корова, и овцы белеют впотьмах,
И сонные куры кудахчут на сонном насесте.

Деревня Орловщина. Сорок годков до весны,
Где запахом яблок и меда пропитанный вечер.
Все было как милость. Теперь возвращается в сны,
Где я — малолетка, упрямый смешной человек,

Где время рожденья — июль в васильковом венце,
И в душное сено прыжки под крутыми стогами.
Я вновь просыпаюсь с улыбкой на сонном лице —
И бабушка ходит над тестом святыми кругами.

Мирская дорога — сомненье, разлом и раскол.
Но память о детстве сияюще непогрешима.
Бревенчатый домик, и сад, и кривой частокол —
На нем до сих пор еще чистые сохнут кувшины.

* * *

Спасибо, поколение отцов,
За то, что вы гасить умели драки,
Перенесли эпохи гордецов,
Болезни, голод, холод и бараки;

За то, что успевали горевать
И речь держать на ледящей тризне;

За то, что уходили воевать,
Неся в сердцах любовь к своей Отчизне;

За то, что вы душой могли гореть,
Кормились в горький час небесной манной;
За то, что вы сумели претерпеть
Истории соблазны и обманы;

За то, что, видя тысячи смертей,
Вы шли сквозь дым, пожары и ненастье.
И все ж дошли до праведных путей,
Жизнь горькую свою считая счастьем.

ДОЖДЬ

Кустов потемневшая зелень.
Деревьев холодная дрожь.
Луна опустила на землю,
Как поздний немолкнувший дождь.

Намаялись взрослые дети
И спят, в окнах свет не горит.
Один только дождь на планете
С нездешней печалью царит.

Он людям несет, как на блюдце,
Покой: что еще им давать?
Но знает: как только проснутся —
Так снова начнут воевать.

И сеет он мирное семя,
Вражду затворив на засов,
Не видя, как двигает время
Намокшие стрелки часов.

КАРТИНЫ ВАСНЕЦОВА

Перепутье, камень-слово,
Воля-долюшка седая...
В смертной битве с трехговым
Смелый рыцарь побеждает.

Воспарил орел кричащий
Над горячим полем сечи...
И Снегурочка из чащи
Вышла милому навстречу.

Сколько лет прошло, а снится
Пруд с крутыми берегами,
Где всплывает в сказку птица
Осторожными кругами.

Он с годами станет краше,
Хоть прошит грозой свинцовой, —
Этот мир, мечты вобравший,
На картинах Васнецова.

Там, душой предвидя утро
Воскресения Христова,
Саваоф, седой и мудрый,
Держит Отрока святого.

ОТШЕЛЬНИЦА

История с собакой

Воровали ее, да не взяли:
Увернулась от злобных верзил...
У Отшельницы умер хозяин.
Свежий хлеб он в ларек привозил.
Долго верность собака хранила,
На ветру сторожила жильё.
И какая-то нежная сила
Удержала от смерти ее.
В одиночество, словно в трясину,
Заглянул обезличенный век:
Пожалев исхудавшую псину,
Черный хлеб подал ей человек.
И собака, отвагой тяжелой
Пересилив пинающий страх,
Вдруг лизнула мужчину чужого
Лишь за то, что он хлебом пропах.
Ну а тот, скорым делом влекомый,
Произнес осторожно, с трудом:
«Что ты, милая? Мы незнакомы!
Сторожи свой взаправдашний дом», —
И ушел... Солнце скрылось за горкой.
На собаку упал первый снег.
Ей казалось: в судьбе ее горькой
Дважды умер один человек.

* * *

Радуга ясная — неба сонет.
Плыть бы за строчками, плыть...
Связь между нами — разлившийся свет:
Можно губами ловить.
Ты эту радость в себе удержи,
Спрячь за седьмую печать.
Слово не выручит, как ни скажи.
Значит, надежней молчать.
Мы, позабывшие, сколько нам лет,
В радужный праздник хотим.
Но уплывает загадочный свет,
Призрачен, невозвратим.

НА КЛАДБИЩЕ

В этом царстве, спокойном отныне,
Где не видно спокойствию дна,
Где от горести горько рябине,
Где калина от боли красна,
Где оградой день обозначен
В проходной бесконечности дней,
Нету сплетен о том, кто богаче,
Нету споров о том, кто сильней.
В этом мире, злодействию чуждом,
Все боятся Отца своего,
Не воруют крестов, потому что
Крест чужой — тяжелей твоего.

* * *

Истории крутые повороты...
Людей теряем. Господи, спаси!
И нет тех стариков (в косоворотках),
Рассеянных, как зерна, по Руси;

Старушек в полотняном и пасхальном,
Прикупленном на праздник за гроши;
И нет той простоты патриархальной
И естества, что льется из души.

Все усложнилось: судьбы, жизнь и время.
Кому тут слушать байки про Кузьму?
Летит-пылит компьютерное племя
По лапотной дороге в полутьму.

Летит и набирает обороты,
Не видя цель, не замечая лет,
А вслед ему за трудным поворотом
Картузом машет жалостливый дед.